

СЕРЫЙ ШУМ

Альбина
Счастливая

Альбина Счастливая
Серый шум

«Автор»

2025

Счастливая А.

Серый шум / А. Счастливая — «Автор», 2025

Москва-«Оптимум»: идеальный город стабильного серого благополучия. Здесь нет места хаосу ярких красок, буйству эмоций, неэффективной красоте. Здесь царит предсказуемый порядок. Но под гладкой поверхностью «стабильности» зреет тихий бунт. София видит, как мир теряет краски. Не метафорически – буквально. Алые гвоздики на глазах тускнеют до грязно-розового, бирюзовое платье бабушки меркнет. Диагноз системы – опасная «Хроматическая гиперчувствительность», требующая коррекции. Но София не хочет забывать. Она присоединяется к подполью «Пиксели», пытаясь сохранить осколки цвета в серой пустыне города. Ее путь – от отчаяния к отчаянному акту жертвы, на миг ослепившему всю Москву чистым светом. Ее наследие подхватывают те, кого коснулось эхо: Лев, последний «Пиксель», несущий артефакт боли и памяти; бабушка Анна, чей яростный вопль звуком разбивает оковы контроля; Максим, предатель, ищущий искупления в самом сердце системы.

© Счастливая А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Осколки Изумруда	5
Глава 1. Оттенки Серого	7
Глава 2. Ускользящий Аквамарин	10
Глава 3. Диагноз – Аномалия	14
Глава 4. Пиксели Сопротивления	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Альбина Счастливая

Серый шум

Пролог. Осколки Изумруда

Память – коварная штука. Она прячет самое важное в закоулки сознания, чтобы потом выстрелить обломком былого прямо в сердце. У Софии такой осколок – **карусель**.

Не та современная, стерильно-белая, что крутится сейчас в "Секторе Развлечений №7" бывшего Парка Горького под мертвенно-голубыми неоновыми трубками. Нет. *Та* карусель жила. Она взрывалась цветом, как праздничный салют, застрявший в земле и вращающийся под звуки дребезжащего, чуть фальшивого органа.

София помнит запах – густой, сладковатый, смесь жареной ваты, нагретого металла и пыли с газона. Помнит вибрацию деревянного коня под собой, резкий толчок при старте, ветер, выдувавший слезы из глаз и трепавший слишком длинные, по мнению мамы, волосы. Но ярче всего – **краски**.

Огненно-рыжие гривы коней, отполированные тысячами детских ладоней до глянца. Изумрудная зелень верхнего купола, с которого свисали гирлянды стеклянных шаров – синих, как небо после грозы, желтых, как цыплята, алых, как первые капли крови. Золотые блики на спицах. Розовое платье мамы, мелькавшее в толпе, когда София, закинув голову, ловила взгляд и кричала:

– Смотри, мам, я лечу!

И мама смотрела. Улыбалась. Ее глаза тогда были цвета теплого шоколада, полные такого света, что Софии казалось – это от них отражаются все краски карусели, все краски мира. Мама махала рукой, и на запястье у нее танцевали солнечные зайчики от стеклянных бус – фиолетовых, бирюзовых, оранжевых.

– Смотри, София, смотри внимательно! – кричала мама сквозь шум и музыку, и голос ее тонул в веселом гаме. Но София слышала.

– Краски уходят, солнышко. Торопись видеть!

Тогда это казалось игрой. Глупой взрослой шуткой. Как могли уйти краски? Они были повсюду! В радуге после дождя, в спелой клубнике на бабушкином пироге, в синих тенях вечерних окон домов.

София зажмурилась на вершине круга, вжавшись в горячую гриву коня. Когда она открыла глаза, мир на миг превратился в ослепительный калейдоскоп. Она чувствовала цвет кожей, вкусом, всем нутром. Это было счастье. Чистое, незамутненное, *цветное* счастье.

Осколок памяти тускнеет. Краски на нем выцветают, как старые фотографии, оставленные на солнце. Изумрудный купол теперь в воспоминаниях лишь грязновато-зеленый, рыжие кони – тускло-коричневые, а бусы на маминой руке – просто серые пятнышки. Даже шоколад глаз потускнел, стал водянисто-коричневым.

Сейчас, глядя из окна своей капсулы-квартиры на море одинаковых модульных домов цвета мокрого бетона, под низким свинцовым небом Москвы-Оптимум, София понимает: мама не шутила. Краски и правда уходят. Тихо, незаметно для всех. Как вода в песок. И только она, кажется, чувствует эту потерю каждой клеткой. Как будто вместе с цветом из мира выкачивают воздух. Жизнь.

За окном заморосил дождь. Капли стекали по стеклу, оставляя длинные, кривые, **абсолютно бесцветные** дорожки. Как в старом чёрно-белом кино. Только это было не кино. Это было Здесь и Сейчас. И таким становилось Всё.

Она прижала ладонь к холодному стеклу, туда, где должен был быть отблеск давно погасшей карусели. Но стекло было лишь мутным, серым зеркалом, отражавшим ее собственное бледное лицо – лицо девочки, которая помнила, каким мир был *на самом деле*. И которая уже знала: это знание – самое опасное в городе, где главная добродетель – не замечать.

Глава 1. Оттенки Серого

Пробуждение в Москве-Оптимум было не столько пробуждением, сколько медленным всплыванием из серой ваты. София открыла глаза, и первое, что она увидела – потолок. Не белый, не кремовый, а именно **серый**. Цвет застывшей пыли. Свет из окна, затянутого самоочищающейся пленкой (которая вечно была чуть мутной), тоже не нес тепла. Он был холодным, рассеянным, как свет в больничном коридоре.

Она потянулась, костяшки пальцев стукнули о стену модуля-спальни. Квартира № 478 в Жилом Комплексе «Вектор» была идеальным воплощением «эффективности пространства»: все необходимое, ничего лишнего, все оттенки серого и бежевого, которые сливались в одну унылую массу. Даже плед на кровати, вроде бы когда-то синий, теперь казался выстиранным до состояния грязной тряпки.

Завтрак прошел в тишине, нарушаемой только мерным гудением холодильника и тиканьем хронометра на стене – круглого, плоского, с монохромным дисплеем. Папа давно ушел на смену на Автоматизированный Логистический Комбинат, его место за столом пустовало. Мама... Мамы не было. Ее отсутствие было еще одним оттенком серого в жизни Софии – глубоким, тяжелым, как свинец. Бабушка Анна Петровна жила в Старом Квартале, куда добраться было целым квестом. София была одна со своей кашей «Оптимум-Старт» (нейтрального вкуса, цвета влажного картона) и мыслями, которые крутились, как белка в колесе.

Дорога в Школу Комплексного Развития № 17 была предсказуемой, как алгоритм. Лифт, скрипящий по рельсам снаружи модульной башни. Двор-колодец, заставленный беспилотными электрокарами «Общего Пользования» – одинаковыми капсулами цвета мокрого асфальта. Воздух – не холодный, не теплый, а какой-то... инертный. Пахло озоном от транспорта и слабым химическим запахом «Антисмога», распыляемого дронами над крышами.

София шла, уткнувшись в универсальный гаджет «Коммуникатор-О7», обязательный для всех школьников. Экран был настроен на минимальную яркость и строгую монохромную схему – черный текст на бледно-сером фоне. Новости «ОптимумИнфо»: «Уровень Социального Спокойствия стабилен», «Завершена модернизация Водоочистного Блока-5», «Эксперты одобряют поэтапный переход на унифицированную школьную форму нового образца». Ничего. Сплошной фон. Она бегло проверила «Социальный Рейтинг» – свой и Максима. У нее был стабильный «Средний+», у Максима – «Высокий-». Он всегда знал, как не высовываться.

Школа встретила их бетонным фасадом, лишенным каких-либо украшений. Старые мозаики и лепнину давно заменили на гладкие сэндвич-панели. Внутри царил привычный гул приглушенных голосов и шарканья ног по полимерному покрытию пола. Воздух пахл антисептиком и пластиком. Ученики в серо-голубой униформе сливались с интерьером, как хамелеоны. Лица были сосредоточены, устали или просто пусты. Эмоции здесь были... неэффективны.

– Соф! – чей-то голос вырвал ее из оцепенения. Максим пробирался сквозь толпу, его гаджет уже был спрятан в карман. У него была привычка нарушать мелкие правила, но так, чтобы это не влияло на рейтинг. – Ты в порядке? Выглядишь бледнее обычного.

– Не выспалась, – буркнула София, отводя взгляд. Сказать ему *правду*? Что ее тошнит от этой вечной серости? Что даже сны стали черно-белыми? Максим был ее единственным другом, но он жил *здесь*. В этом мире логики, алгоритмов и «разумного компромисса». Он бы не понял. Или счел бы это «художественной блажью».

– Опять залипала в свои вирты с пейзажами? – он хмыкнул, подходя ближе. Виртуальные симуляции «Природные Ландшафты» были единственным официально разрешенным способом увидеть что-то «зеленое». Но и там зелень была какая-то... синтетическая, приглушенная.

Как на старых выцветших фотографиях. София перестала их смотреть месяц назад – от них начинала болеть голова.

– Нет. Просто... все такое одинаковое, – она махнула рукой, охватывая коридор, учеников, светящиеся монохромные указатели.

– Стабильность же, – философски заметил Максим, направляясь к кабинету 305. – Представь хаос, если бы все ходили в ярком? Глаз бы не отдыхал. Эффективность бы упала.

София хотела возразить, что ее глаз *умирает* от этой «стабильности», но звонок, резкий и безжизненный, разрезал воздух. Пора на первый урок.

«Эстетика Эффективности и Социальной Гармонии» – гласила надпись на экране у двери кабинета. Вместо парт – индивидуальные капсулы с мониторами. Учительница, Ирина Витальевна, ее лицо было гладким, как полированный камень, а голос – ровным, без интонаций, как у синтезатора речи.

– Тема сегодняшнего занятия: «Монохромия как основа визуального спокойствия и фокусировки сознания», – начала она. На экране возникла схематичная модель мозга. «Исследования Института Социальной Оптимизации доказали: избыточная цветовая стимуляция вызывает нейронный хаос, повышает тревожность, снижает продуктивность. Упрощение палитры до гармоничных ахроматических оттенков – ключ к стабильности личности и общества в целом.

София смотрела на слайды. Серые квадраты на сером фоне. Серые диаграммы. Серые лица счастливых граждан на фотографиях из «Пиксельных Садов» – тех самых искусственных оазисов, где росли генномодифицированные растения трех разрешенных оттенков: бледно-салатовый, грязно-розовый, тускло-голубой. Никакого буйства красок. Никакого хаоса.

– Обратите внимание на репродукцию архитектурного проекта района «Горизонт», – продолжала Ирина Витальевна. На экране возникло изображение бесконечных рядов модульных башен в оттенках графита, пепла и мышинового меха. – Чистота линий. Отсутствие визуального шума. Максимальная функциональность. Это – идеал. Ваша задача – научиться видеть и ценить эту красоту порядка.

Красоту? София сжала кулаки под столом. Ее тошнило. От этого голоса, от этих слайдов, от этого вездесущего, давящего серого цвета. Она закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти тот самый осколок – карусель, маму, стеклянные шары... Но образы были туманными, цвета – приглушенными, как будто слой серой пленки лежал поверх воспоминаний.

Урок тянулся вечность. София автоматически вносила тезисы в свой «Коммуникатор», ее пальцы двигались сами по себе. Голова гудела. Ей отчаянно хотелось *увидеть* что-то настоящее. Что-то живое. Цвет.

И когда, наконец, прозвенел звонок на перерыв, она почти выбежала из капсулы, глотнув воздуха, который, казалось, тоже был серым. Максим что-то говорил ей про новый алгоритм в обучающей программе, но она не слушала. Она шла к выходу из школы, к небольшой площади перед ней, где обычно толпились ученики.

И тут она увидела его. Старика. Он стоял в стороне от основного потока, у стены, заросшей каким-то чахлым, серо-зеленым плющом. В руках у него была корзина. А в корзине – **гвоздики**. Алые гвоздики.

София замерла. Кровь ударила в виски. Она почувствовала легкое головокружение, как от резкого запаха. Цвет! Настоящий, огненный, живой красный цвет! Он резал глаза после школьной монохромии, как луч прожектора во тьме. Она не видела ничего подобного... С тех пор? С тех самых пор, как закрылись последние независимые цветочные магазины? Сердце ее колотилось.

Она подошла ближе, замороженная. Старик смотрел на нее усталыми, но добрыми глазами. Он не предлагал цветы громко, просто стоял. Немногие прохожие бросали на него равнодушные или неодобрительные взгляды. Яркое? В общественном месте? Неэффективно.

– Сколько? – выдохнула София, доставая из кармана униформы несколько кредитных чипов.

Старик улыбнулся, обнажив редкие зубы.

– Для такой красивой барышни – пять единиц за штучку.

Он протянул ей гвоздику. София протянула руку, ее пальцы дрогнули. Она коснулась бархатистого лепестка... И случилось нечто.

Цвет начал **утекать**.

Буквально на ее глазах. Яркий, сочный алый стал тускнеть. Он превращался в пожухлый, темно-розовый, затем в грязно-бордовый... и продолжал бледнеть. Лепестки, казалось, покрывались слоем пепла. Прошло всего несколько секунд. Цветок в ее руке был уже не алым. Он был... тускло-красным. Как старая, выцветшая ткань. Ничего общего с тем ослепительным пятном, что она увидела секунду назад.

София в ужасе отдернула руку. Гвоздика упала на серый тротуар. Она подняла глаза на старика. Он смотрел на упавший цветок с грустью, но без удивления.

– Что... что с ним? – прошептала София. Ей стало физически плохо.

Старик пожал плечами, его взгляд стал осторожным.

– Обычные гвоздички, барышня. Ничего с ними. Может, солнца не хватило сегодня?

Он нарочито громко кашлянул и отвернулся, намекая, что разговор окончен.

– Соф! Ты чего? – Максим нагнал ее, хватая за локоть. Он посмотрел на упавший цветок. – Эй, что за дела? Покупала?

София указала дрожащим пальцем на корзину.

– Ты видишь? Какие они?

Максим нахмурился, посмотрел.

– Гвоздики? Ну... красные. Обычные. Немного пыльные, может. Чего ты так перепугалась? – он поднял упавший цветок. – Вот, держи. Немного помялся, но ничего.

Он сунул ей в руку тускло-красный цветок. Для него он был просто... красным. Не ярким, не тусклым. Просто *красным*. Нормальным.

София смотрела на цветок в своей руке. Он был теплым от ее ладони, но цвет... Цвет был *мертвым*. Она видела то, чего не видел Максим. Она видела, как краска **ушла**. Прямо у нее на глазах.

Холодный ужас, острее любого страха, сковал ее. Это был не сон. Не галлюцинация. Это было *здесь*. Это было *настоящее*.

– Соф? Ты точно в порядке? Лицо белое, как мел, – беспокоился Максим.

София сжала цветок в кулаке, чувствуя, как хрупкие лепестки мнутся. Она не могла объяснить. Не сейчас. Не здесь.

– Я... я не выпалась, – повторила она глухо, глядя куда-то поверх головы Максима, на серую громаду школы. Но теперь она знала. Знание лежало в ее руке, как холодный, умирающий уголь. Краски уходят. И она, кажется, единственная, кто это видит.

Звонок на урок прозвенел снова, резкий и неумолимый. Серый мир звал ее обратно.

Глава 2. Ускользящий Аквамарин

Серость после случая с гвоздиками стала давить сильнее. Каждый день София ловила себя на том, что всматривалась в мир с болезненной, почти параноидальной интенсивностью. Листья на чахлах деревьях у школы? Не просто серо-зеленые, а словно покрытые слоем пепла. Синий логотип на борту беспилотника? Не ярко-синий, а выцветший, как джинсы после сотни стирок. Красный сигнал светофора? Тусклый, как засохшая капля крови. Она сравнивала свои впечатления с тем, что говорили другие. "Нормальный синий", "Обычный красный", "Просто грязноватый" – вот их вердикты. Для них мир не менялся. Для нее он выцветал на глазах, как дешевая ткань на солнце.

Спасибо Максиму. Он не спрашивал больше про цветок, но стал тише, внимательнее. Иногда ловил ее застывший, напряженный взгляд и просто молча подсовывал ей стакан с безвкусным, прозрачным "Витамин-гидратом" из школьного автомата. Это было его "я рядом". Но его прагматичный мозг отказывался воспринимать ее страх. "Глаза устают, Соф", – говорил он однажды. "Слишком много времени в виртах раньше проводила. Надо к оптиметристу сходить". София лишь мотала головой. Никакие очки не вернут миру его истинных красок. Или хотя бы тех, что еще оставались.

Единственным местом, где серость казалась не такой удушающей, была квартира бабушки Анны Петровны в Старом Квартале. Добираться туда было квестом: две пересадки на монорельсе, который петлял над серыми крышами старых зданий, потом пешком по узким улочкам, где еще сохранились следы прошлого – кривые фонари, облупившаяся штукатурка, жалкие попытки жильцов украсить подоконники чахлыми растениями в одинаковых серых кашпо. Здесь воздух пах не озоном, а пылью, старой древесиной и чем-то неуловимо домашним.

Квартира Анны Петровны была музеем ушедшего времени. Здесь еще висели настоящие шторы (правда, выцветшие), стоял резной деревянный буфет (темный, покрытый сетью трещин), а на стенах – старые фотографии в рамках. Цветные. Вернее, когда-то цветные. Теперь их краски тоже казались Софии приглушенными, как будто смотрела на них сквозь грязное стекло. Но здесь, среди этих реликвий, дышалось легче. Здесь помнили.

– Солнышко мое! – Анна Петровна встретила ее на пороге, обняла крепко, пахнувшее лавандой и чем-то печеным. Ее руки были теплыми, жилистыми. Глаза, мудрые и чуть грустные, цвета старого янтаря, внимательно оглядели внучку. – Что-то ты бледная, Софиюшка. Небось, опять эти твои «Оптимум»-пайки не ешь? Иди, иди, у меня пирожки с капустой, как ты любишь.

София улыбнулась, впервые за несколько дней по-настоящему. Бабушкины пирожки были островком нормальности. Они пахли. Имели вкус. Настоящий. Они были... живыми. Она последовала за бабушкой в маленькую гостиную, уставленную знакомыми с детства вещами. И тут ее взгляд упал на **платье**.

Оно висело на вешалке за стеклянной дверцей старого шкафа. Платье бабушки. То самое. Бирюзовое. Или... Аквамариновое? София всегда называла его «платьем цвета морской волны». Оно было связано с самым теплым воспоминанием: бабушка в этом платье, смеющаяся, кружила маленькую Софию на кухне под звуки старенького радиоприемника. Тогда платье сияло, как драгоценный камень, отражая солнечные зайчики. Оно было воплощением радости, беззаботности, того времени, когда мама была еще жива, а краски мира – яркими и нерушимыми.

– Бабушка, помнишь свое платье? – не удержалась София, подходя к шкафу. Ее сердце забилося чаще. Она жаждала увидеть его сияние, убедиться, что хоть где-то цвет еще держится.

– Ах, это старье? – Анна Петровна махнула рукой, ставя на стол тарелку с дымящимися пирожками. – Давно не носила. Места только занимает. Но выбросить рука не поднимается. Память.

София открыла дверцу шкафа. Запах нафталина ударил в нос. Она осторожно коснулась ткани. Она была прохладной, гладкой. София зажмурилась на долю секунды, пытаясь воскресить в памяти тот ослепительный аквамарин, ту самую "морскую волну".

И открыла глаза.

Удар был почти физическим. Она отшатнулась, едва не задев стакан с компотом.

Цвет был **неправильным**.

Глубокий, сочный бирюзовый? Нет. Перед ней висело платье грязно-голубого цвета. Как вода в луже после дождя, смешанная с пылью. Никакого сияния. Никакой глубины. Только унылая, тусклая синева.

– Нет... – вырвалось у Софии шепотом. Она моргнула, протерла глаза. – Бабушка, оно... оно всегда было таким? Таким... бледным?

Анна Петровна подошла, нахмурившись. Она посмотрела на платье, потом на внучку.

– Бледным? Ну, старое, конечно, – она потрогала рукав. – Выцветает со временем. Но цвет... обычный синий. Голубоватый. Как и было.

– Как и было? – София почувствовала, как комок подкатывает к горлу. – Бабушка, оно же было ярким! Как море! Помнишь? Ты сама говорила!

Анна Петровна покачала головой, ее взгляд стал осторожным, почти жалеющим.

– Софиюшка, солнышко... Ярким? Ну, может, в молодости, когда новое было. Но таким уж очень ярким? Нет. Оно всегда было... спокойного оттенка. Приглушенного. Как и полагается хорошей вещи. Не кричало же оно?

Приглушенного. Спокойного. Слова системы. Слова, которыми оправдывали убийство цвета.

София смотрела на платье. На этот грязно-голубой лоскут, который когда-то был для нее целым океаном счастья. Она видела, как краска ушла. Не физически – ткань была цела. Но сам *цвет*, его суть, его жизненная сила – исчезли. Так же, как с гвоздикой. Так же, как со всем вокруг. И бабушка... бабушка этого не видела. Или не помнила? Или память ее тоже подчистили, как архивные записи?

– Ты плохо выглядишь, внученька, – голос Анны Петровны звучал тревожно. – Может, к врачу? Молодые сейчас много болеют... от всех этих излучений...

София молчала. Она чувствовала себя преданной. Даже здесь, в последнем убежище, реальность искажалась. Ее самый дорогой якорь в прошлом превратился в обманку. Головная боль, знакомая по школе, вернулась, давя на виски. Мир плыл перед глазами.

– Я... я не голодна, бабушка, – прошептала она, отвернувшись от платья, от пирожков, от бабушкиных тревожных глаз. Ей нужно было выбраться. На воздух. В серый, но хотя бы честный в своей серости мир улицы.

Она почти бежала по знакомым улочкам Старого Квартала, не замечая удивленных взглядов редких прохожих. В ушах гудело. Перед глазами стояло платье. Сначала – каким она его помнила: сияющее, живое, бирюзовое чудо. Потом – каким оно было сейчас: мертвый, грязно-голубой лоскут. Две реальности сталкивались в ее сознании, вызывая тошноту и головокружение.

Она остановилась у старой, покосившейся калитки, ведущей в крошечный, заброшенный скверик. Здесь когда-то цвели сирень и жасмин. Теперь торчали только голые, кривые ветки каких-то кустов, покрытые серым лишайником. София прислонилась к холодной кирпичной стене, пытаясь отдышаться.

"Оно всегда было таким". Бабушкины слова жгли, как раскаленный уголь. Значит, это не мир менялся? Значит, это с ней что-то не так? С ее головой? С ее глазами? Может, Максим и врачи правы? Может, это... болезнь? Синдром? Галлюцинации?

Отчаяние, холодное и липкое, обволакивало ее. Она была одна. Совсем одна. Запертая в своем искаженном восприятии. Никто не видел того, что видела она. Никто не чувствовал этой ужасающей пустоты, оставшейся после ухода красок.

Она засунула руку в карман куртки и нащупала там гладкий прямоугольник своего «Коммуникатора-07». Гаджет системы. Инструмент контроля. Но... Ей нужно было зафиксировать это. Хотя бы для себя. Прежде чем ее память тоже переписут, как переписали бабушкину. Прежде чем яркий бирюзовый в ее воспоминаниях окончательно сменится грязно-голубым.

Дрожащими пальцами она открыла новое приложение – «Блокнот». Экран светился тусклым серым. Она выбрала инструмент «Карандаш» (черный) и начала рисовать. Неуклюже, схематично, но с яростной старательностью.

Первый рисунок: Платье. Каким она его помнила. Ярко-бирюзовое. С золотистыми бликами. Живое.

Второй рисунок: Платье. Каким она его видела сегодня. Грязно-голубое. Тусклое. Мертвое.

Она посмотрела на два изображения. Контраст был очевиден даже в черно-белом исполнении гаджета – по форме бликов, по насыщенности тона. Это было доказательство. Доказательство для нее самой. Она не сходила с ума. Что-то происходило. Краски уходили. Или менялись. Или... стирались.

Под рисунками она набрала дрожащими пальцами:

Запись #1: День после Гвоздики.

Объект: Бабушкино платье ("Морская Волна").

Память: Яркий бирюзовый/аквамарин. Сияющий. Живой. (См. Рис.1)

Реальность сегодня: Грязный голубой. Тусклый. Безжизненный. (См. Рис.2)

Наблюдение старика: Не удивился. Знает что-то?

Наблюдение бабушки: Не видит разницы. Говорит "всегда было приглушенным".
Память? Или правда?

Вывод: Это не галлюцинация. Это не только со мной. Цвета МЕНЯЮТСЯ. Исчезают? Тускнеют? Почему я одна это вижу? Врачи? Система?

Чувство: Страшно. Очень страшно. Как будто я теряю что-то важное с каждым ушедшим оттенком. Как будто теряю себя.

Она сохранила запись под паролем, который придумала на ходу – дата рождения мамы. Гаджет погас, снова став безликим куском пластика и металла.

София подняла голову. Над крышами Старого Квартала медленно проплывал дрон-распылитель «Антисмога», оставляя за собой едва заметный серый шлейф. На стене дома напротив, на уровне второго этажа, алел свежий, монохромный плакат: «**ОМОНИРОВАНИЕ – ШАГ К ЧИСТОТЕ И ПОРЯДКУ! СЕКТОР 7-G: СКОРО НОВЫЙ ОБЛИК!**» На плакате было изображено старое здание с остатками лепнины и его будущий вид – гладкая, серая, безликая коробка.

София вздрогнула. Сектор 7-G. Это был бабушкин квартал.

Она посмотрела на свой «Коммуникатор», на спрятанную в нем запись. Потом на плакат. Потом на серое небо над головой.

Краски уходили. Память стиралась. Дома превращались в серые коробки. И она была, кажется, единственной, кто пытался удержать ускользающий мир за хвост. Храня его в тайном дневнике на гаджете системы. Как последнюю вспышку аквамарина в океане серости.

Она сжала гаджет в руке так крепко, что костяшки побелели. Страх еще висел в горле холодным комком, но к нему добавилось что-то новое. Хрупкое, но упрямое. **Решимость.** Она будет смотреть. Замечать. Записывать. Даже если это безумие. Даже если она одна.

Она вышла из сквера и пошла к остановке монорельса. Мир вокруг был все таким же серым. Но теперь у Софии было секретное оружие против бесцветия. Ее боль. Ее зрение. И ее дневник.

Глава 3. Диагноз – Аномалия

Дневник стал навязчивой идеей. За неделю София заполнила десятки записей. Каждая – как маленький надрез на реальности. Она фиксировала все: выцветший оранжевый на рекламном щите, который Максим упорно называл "нормальным"; серо-зеленую траву в "Пиксельном Саду" №3, где разрешенные оттенки казались ей грязными разводами; тусклый желтый свет фонарей вечером, превращавший улицы в коридоры подземелья. Она сравнивала свои зарисовки с официальными изображениями в сети "ОптимумИнфо" – там цвета всегда выглядели чуть более насыщенными, "правильными". Как будто кто-то подретушировал реальность.

Страх сменился лихорадочной решимостью и нарастающей паникой. Она не спала. Краски продолжали утекать, и она чувствовала себя свидетелем гигантской, невидимой для других катастрофы. Бабушка звонила чаще, голос ее звучал все тревожнее. Максим молча наблюдал за ее трясущимися руками и синяками под глазами. Он больше не шутил про вирты.

– Соф, это не нормально, – сказал он наконец, отрезая ей путь после школы. Они стояли в пустом коридоре, под мертвым светом ламп. – Ты худеешь, не спишь, трясешься. Ты... ты видишь вещи?

София посмотрела ему прямо в глаза. Глаза Максима были серыми. Чисто серыми, без оттенков. Как у многих здесь. Она вдруг поняла, что не помнит, были ли они всегда такими, или тоже потускнели.

– Я вижу *правду*, Макс, – прошептала она, доставая «Коммуникатор». Она открыла дневник, показала ему последнюю запись: сравнение цвета яблока из школьной столовой (тускло-зеленое в ее рисунке) и с официального сайта поставщика (сочное зеленое). – Посмотри! Разницу видишь? Хотя бы на экране?

Максим внимательно посмотрел на два черно-белых наброска. Нахмурился. Поколебался.

– Ну... контраст разный. Твое яблоко... темнее. Но, Соф, это просто рисунки. Карандашом. Он не передает цвет.

Он потянулся, чтобы прикоснуться к ее руке, но она резко отдернула гаджет.

– Оно не темнее! Оно *тускле*! – голос ее сорвался. – Как платье бабушки! Как гвоздики! Как все! Краски умирают, Макс! И я... я одна это вижу!

Слезы предательски застилали глаза. Она ненавидела эту слабость.

Максим помрачнел. Его прагматичный ум явно боролся с желанием помочь и страхом перед иррациональным.

– Ладно, – сказал он тихо, оглядываясь, нет ли рядом чужих ушей. – Ладно. Допустим, ты... воспринимаешь иначе. Но это же не нормально, если тебе от этого плохо! Ты мучаешься!

Он схватил ее за плечи, заставив посмотреть на себя.

– Сходи к врачам. В «ОптимумЗдрав». Хотя бы для проверки зрения. Или... нервов. Пожалуйста. Иначе я... я сам их вызову. По протоколу заботы о ближнем.

В его глазах читалась искренняя тревога и беспомощность. Он предлагал единственное решение, которое знал в рамках их мира.

Мысль о врачах вызывала у Софии леденящий ужас. Система. Они все заодно. Но Максим был прав в одном – она сходила с ума. От страха, от бессилия, от этой вечной серости, которая теперь казалась ей зловещей. И его угроза «вызвать по протоколу» была реальной. Добровольный визит выглядел бы лучше для ее Социального Рейтинга.

– Хорошо, – выдохнула она, вытирая щеку тыльной стороной ладони. – Запишусь. В «ОптимумЗдрав». Но только ты... молчи. Пока.

Клиника «ОптимумЗдрав Сектор Центр» была воплощением стерильного кошмара. Огромное, некогда величественное здание (София смутно помнила старые фото – что-то меди-

цинское из прошлого) было «омонировано» до состояния гигантской бело-серой коробки. Внутри царил тишина, нарушаемая лишь тихим гулом вентиляции и механическими головами автоматов-регистраторов. Воздух был холодным и пахнувшим антисептиком так сильно, что щипало нос. Пациенты, одетые в нейтральные тона, сидели на пластиковых креслах, уткнувшись в гаджеты или пустым взглядом глядя на огромные экраны с монохромными инфографиками о пользе «визуальной гигиены» и «эмоциональной стабильности». Никаких картин. Никаких растений. Только углы, прямые линии и оттенки серого.

София прошла сканирование на входе («Коммуникатор-07» автоматически передал ее данные и причину визита: «Зрительные аномалии. Субъективные жалобы на изменение цветовосприятия»). Ее направили в кабинет 741 по бесконечным, одинаковым коридорам. По пути она увидела плакат: «**Ваше восприятие – наш приоритет. Диагностика и коррекция сенсорных дисгармоний для вашего комфорта и спокойствия общества.**» Фраза «коррекция» заставила ее сглотнуть комок страха.

Кабинет 741 был маленьким, белым и холодным. Вместо врача – комплекс аппаратов и большой монитор. На экране возникло схематичное, анимированное лицо с «дружелюбной» улыбкой.

– София К., 16 лет. Приветствуем в «ОптимумЗдрав». Служба Офтальмологической и Нейросенсорной Оптимизации к вашим услугам, – зазвучал механический, но нарочито мягкий голос. – Ваши жалобы зафиксированы: искажение цветовосприятия, субъективное ощущение «потускнения» окружающих цветов, сопутствующий дискомфорт. Начнем диагностику. Пожалуйста, следуйте инструкциям.

Последовала серия унижительных и пугающих тестов. Ее голову зафиксировали в рамке, глаза расширили каплями, которые вызвали жгучую боль и временное затуманивание зрения. Яркие, но **искусственно тусклые** вспышки света били в глаза. Ей показывали на мониторе цветные пятна – сначала насыщенные, затем все более блеклые – и просили нажимать кнопку, когда она переставала различать оттенки. Для Софии многие оттенки казались серыми уже на «насыщенных» стадиях, что явно не совпадало с нормативами. Аппараты жужжали, щелкали, сканировали ее сетчатку, снимали энцефалограмму. Она чувствовала себя лабораторной крысой, разобранной на винтики.

В какой-то момент в кабинет вошел живой врач. Мужчина лет сорока в белоснежном халате. Его лицо было бесстрастным, глаза – холодными, светло-серыми, как у рыбы. Но когда он наклонился, чтобы проверить крепление датчика на ее виске, София, сквозь пелену капель и боли, **увидела**. Над его левым ухом, на коротко стриженных волосах, лежала едва заметная, но **настоящая** тень. Не серая масса, а сложное переплетение темно-серого, пепельного и даже... теплого коричневого оттенка? Этот крошечный кусочек реального цвета, такой живой и неожиданный, заставил ее вздрогнуть. Врач заметил ее взгляд и мгновенно выпрямился, его лицо стало еще более непроницаемым.

– Не волнуйтесь. Процедура стандартная, – произнес он ровным тоном, глядя куда-то поверх ее головы. – Система анализирует все параметры для точной диагностики вашей... сенсорной особенности.

Процедура длилась вечность. Когда ее наконец отпустили, голова гудела, глаза слезились, а в желудке стоял ком. Ее попросили подождать в соседней комнате – такой же белой, холодной и безликой. На столе стоял автомат с «Успокаивающим гидратом». София не притронулась.

Через двадцать минут (ровно) на экране стены замигал значок. Результаты готовы. Она вошла в кабинет. Живого врача не было. На мониторе горел заголовок: «**ЗАКЛЮЧЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ: Пациентка София К.**»

Текст был сухим, безличным, переполненным терминами:

«...незначительные отклонения в работе колбочкового аппарата сетчатки в пределах непатологической вариативности...»

«...повышенная активность в зонах зрительной коры и миндалевидного тела при предъявлении хроматических стимулов...»

«...отсутствие объективных признаков органической патологии зрительного тракта...»

«...субъективные жалобы не подтверждаются стандартизированными тестами цветоразличения...»

И затем, жирным шрифтом:

«ДИАГНОЗ: Синдром Хроматической Гиперчувствительности (Код F44.8-OZ)»

Ниже следовало пояснение:

«Редкое, но не представляющее прямой угрозы здоровью состояние, характеризующееся субъективным искажением цветовосприятия в сторону его обострения или неприятия стандартной цветовой среды. Часто сопровождается тревожностью, дезадаптацией, сенсорными перегрузками. Связывается с особенностью нейронной организации и повышенной эмоциональной лабильностью».

РЕКОМЕНДАЦИИ:

Курс стабилизаторов нейросенсорного восприятия: Препарат «Нормотон-OZ». Дозировка: 1 таблетка утром. Подавляет избыточную нейронную активность, способствует гармонизации сенсорного опыта.

Коррекция визуальной среды: Минимизация воздействия «агрессивных» или нерегламентированных цветовых стимулов. Рекомендовано использование монохромных фильтров на гаджеты (установлены автоматически), выбор одежды и интерьера в спокойной, гармоничной ахроматической гамме.

Психо-социальная адаптация: Сеансы виртуальной терапии «Цветовой Баланс» (доступ через «Коммуникатор»). Формирование адекватного восприятия визуальной нормы общества.

Регулярный мониторинг: Автоматическая передача данных о состоянии зрительного комфорта и приеме препарата через «Коммуникатор-O7» в Центр Нейросенсорной Оптимизации «ОптимумЗдрав».

София сидела, окаменев, глядя на экран. Синдром. Гиперчувствительность. Эмоциональная лабильность. Ее уникальное, мучительное видение мира свели к коду в классификаторе. К патологии. К отклонению от «нормы». А «норма» – это серость. Они не видели проблемы в исчезновении цвета. Они видели проблему в ней! В том, что она это видит и страдает!

На экране появился рецепт на «Нормотон-OZ» с QR-кодом для получения в аптеке. И предупреждение: «Несоблюдение рекомендаций может привести к усугублению симптоматики, социальной дезадаптации и снижению Индекса Социального Спокойствия пациента. Контроль рейтинга усилен».

Угроза висела в воздухе. Принимай таблетки. Притворяйся. Становись как все. Или...

Аптека-автомат выдала маленький блистер с десятью круглыми, невзрачно-белыми таблетками. София сжала его в кулаке, чувствуя, как холодный пластик впивается в ладонь. «Стабилизаторы». Подавители. Таблетки, чтобы убить в ней способность видеть правду. Чтобы сделать ее слепой в мире слепых.

Она вышла из клиники на улицы вечерней Москвы. Фонари зажигали свои унылые, тускло-желтые глаза. Тени были густыми и черными. Мир был плоским, как экран ее гаджета с установленным теперь монохромным фильтром. Она достала «Коммуникатор». На экране действительно все было в оттенках серого. Даже ее дневник. Система уже начала «коррекцию».

София подняла голову, глядя на бесконечные серые коробки домов, на свинцовое небо. Где-то там, в Старом Квартале, висело бабушкино платье – грязно-голубое призраком бывшего аквамарина. Где-то в системе теперь лежал ее диагноз. Ее клеймо. F44.8-OZ. Аномалия.

Холодная ярость, острая и чистая, сменила страх и отчаяние. Они назвали ее больной. Они хотели заткнуть ей рот таблетками и фильтрами. Они хотели украсть последнее, что у нее было – ее зрение. Ее знание.

Она разжала кулак, глядя на блистер с белыми пилюлями. Идеально круглые. Идеально белые. Идеально лживые. Она сунула их в самый дальний карман рюкзака. Туда, где лежала та самая упавшая гвоздика, теперь высохшая и похожая на крошечный трупик птицы.

Нет. Она не примет их «норму». Не проглотит их ложь. Пусть они считают ее больной. Пусть следят за ее рейтингом. Она будет смотреть. Видеть. Записывать. Даже если этот мир станет окончательно черно-белым. Она будет помнить краски. И ее дневник, даже в сером исполнении гаджета, будет ее оружием. Хрупким. Опасным. Но единственным.

Она сделала шаг вперед, в серую пелену вечера. Глаза горели. Не от слез. От гнева. И от последней, тлеющей искры того самого, умирающего цвета, который она поклялась спасти. Хотя бы в своей памяти. Хотя бы для себя.

Глава 4. Пиксели Сопротивления

Таблетки «Нормотон-ОЗ» так и лежали нетронутыми на дне старой жестяной коробки из-под бабушкиного чая, спрятанной за вентиляционной решеткой в ее комнате. Рядом с ними – высохшая гвоздика, как напоминание о первой трещине. Система, однако, не дремала. Монохромный фильтр на «Коммуникаторе» превратил мир гаджета в подобие старых дешевых электронных книг: все оттенки серого, никаких полутонов. Даже ее тайный дневник потерял часть своей силы – зарисовки стали плоскими, лишены были ярости линий. А постоянные мягкие напоминания о «сеансах терапии «Цветовой Баланс» и «рекомендуемой визуальной диете» действовали на нервы, как назойливый комар.

София чувствовала себя загнанной в угол. Давление «Оптима» было невидимым, но постоянным, как атмосферное. Школа превратилась в пытку – каждый урок «Эстетики Эффективности» был издевательством над ее искаженным восприятием. Максим держался рядом, но его взгляд стал осторожным, изучающим. Он заметил, что таблетки не исчезают, и это его беспокоило.

– Соф, они же помогут, – шептал он однажды в пустом коридоре. – Ты же видишь, тебе легче не становится. Наоборот.

Она лишь качала головой. Легче? Да, если под «легче» понимать добровольную слепоту. Она выбрала боль. Боль правды.

Отчаяние толкало ее на риск. Она начала искать следы. Не того цвета, что был – он умирал. А следы *борьбы* с этим умиранием. Вспоминала старика с гвоздиками – его усталые, знающие глаза. Вспоминала мимолетную тень в волосах врача. Были ли они одиноки? Или где-то в толще серого монолита теплились такие же, как она, искры сопротивления?

Она стала замечать странное. В серой громаде «омонированных» стен, на корпусах мусорных контейнеров, на обратной стороне рекламных стелл – крошечные, почти невидимые точки. Не царапины. Не грязь. Аккуратные, сделанные чем-то острым, **точки цвета**. Однажды – крошечная капля алой краски, вдавленная в шов между плитами тротуара. В другой раз – мазок изумрудно-зеленого на ржавой трубе за школой. Как будто кто-то оставлял метки. Вехи. Надежду.

Однажды вечером, бродя по задворкам заброшенного трансформаторного пункта (место, которое Максим называл «зоной повышенного риска для рейтинга»), она наткнулась на нечто большее. Под грудой обломков серого пластика что-то слабо **светилось**. Не электроникой. Это был внутренний свет. Теплый, желтоватый. София, оглянувшись, отодвинула пластик. Под ним лежала небольшая, грубо склеенная коробочка из оргстекла. А внутри...

Она ахнула, прижав руку ко рту.

Внутри был **мир**. Миниатюрный, но невероятно живой. Из кусочков цветного пластика, осколков стекла, обрывков проволоки и фольги кто-то создал... сад. Крошечные тюльпаны из алой пластмассы. Листики из зеленой фольги, тщательно прожиленные. Стебельки из медной проволоки. И фон – из осколков синего и бирюзового стекла, создающих иллюзию неба и воды. Это было грубо, наивно, но **полное жизни**. И самое главное – цвета были **настоящими**. Не тусклыми, не выцветшими. Алыми, как кровь. Зелеными, как весенняя трава. Синими, как небо из детских снов. Они горели в сумерках, пойманные последним лучом солнца, как драгоценные камни.

София опустила на колени, не в силах оторвать взгляд. Сердце колотилось так, что вот-вот выпрыгнет из груди. Это было чудо. Доказательство. Она не сходила с ума! Цвет существовал! Он прятался, его давили, но он **был!** И кто-то другой это знал! Кто-то другой боролся!

– Красиво, правда? – тихий голос прозвучал прямо над ее ухом.

София вскрикнула, едва не выронив коробочку. Из-за груды мусора вышел парень. Лет восемнадцати. В обычной серой куртке и потертых брюках. Но его глаза... Они были не серыми. Они были цвета темного меда, теплыми и живыми, с золотистыми искорками. И в них читалась такая же настороженность, как у нее.

– Не бойся, – он поднял руки, показывая, что безоружен. – Я не из патруля. Я... автор. Он кивнул на коробочку в ее руках.

– Это... это твое? – прошептала София, все еще не веря. Она прижимала коробочку к груди, как сокровище.

– Одно из, – он осторожно подошел ближе. Его зоркий взгляд скользнул по ее лицу, остановившись на глазах. Замер. Потом очень тихо:

– Ты же... видишь? Настоящий цвет?

Вопрос повис в воздухе. Риск. Огромный риск. Но София увидела в его глазах то же самое отчаяние и надежду, что горело в ней. Она кивнула. Один раз. Коротко.

Парень выдохнул, и его лицо осветила первая настоящая улыбка.

– Я – Лев. А это место... мы называем его «Улей». Добро пожаловать к Пикселям.

Он отвел ее глубже, за груды мусора, к заваленному ржавым железом входу в полуподвал. Внутри пахло сыростью, пылью и... краской? Слабый свет фонарика на батарейках выхватывал из темноты удивительную картину. Небольшая комната. Стены, завешанные кусками старого брезента. На импровизированных столах – хаос творчества: коробки с осколками цветного стекла, пластика, керамики, обрывки ярких тканей, тюбики с краской (настоящей, масляной!), кисти, проволока, пассатижи. И везде – **артефакты**. Десятки коробочек, как та, что нашла София. Маленькие картины на обрезках металла. Фигурки из спаянного разноцветного метал-лолома. Подвески из битого стекла, ловящие свет фонарика и рассыпающие по стенам цветные зайчики. Это был музей украденного цвета. Храм сопротивления серости.

В комнате были еще двое. Девушка с короткими, выкрашенными в едва заметный розовый цвет (настоящий розовый!) прядями волос – Алиса. И парень помоложе, с сосредоточенным лицом, кропотливо склеивающий что-то из синего стекла – Витя. Они подняли головы при входе Льва и Софии. Настороженно. Но когда Лев просто сказал: «Она видит», их лица тоже осветились пониманием и смутной радостью.

– Пиксели, – объяснил Лев, пока Алиса наливала Софии чай из термоса (чай был коричневым, но теплым и пахнущим настоящей мятой!). – Мы собираем то, что еще не успели уничтожить или омонить. Осколки старого мира. Цветные отходы. И делаем... напоминания.

– Напоминания о том, что мир не всегда был таким, – тихо добавила Алиса, проводя пальцем по крошечному тюльпану в одной из коробочек. Ее розовая прядь казалась дерзким вызовом всему серому миру за стенами подвала.

– Но зачем? – спросила София, ошеломленная. – Это же так опасно! Если найдут...

– Если не делать – сойдешь с ума, – хрипловато сказал Витя, не отрываясь от работы. – Или станешь как они.

Он кивнул в сторону выхода.

– Пустым.

– Мы прячем их, – пояснил Лев. – В укромных местах. Под плитами. В дуплах старых деревьев (которые еще не спилили). В вентиляционных шахтах. Чтобы те, кто еще способен видеть... нашли. Чтобы знали – они не одни.

Он посмотрел на Софию.

– Как ты нашла коробочку. Как нашла нас.

Он рассказал ей о старике с гвоздиками – он был одним из первых, кто тайно поддерживал Пикселей, находил и приносил им цветные «сокровища» с помойки или из Старых Кварталов. Рассказал о сети таких же маленьких групп по городу, связанных через анонимные каналы в старых, неконтролируемых сегментах сети. Рассказал о рейдах «Эстетического пат-

руля», которые иногда прочесывали районы в поисках «визуального мусора» и «деструктивных артефактов». Несколько Пикселей уже исчезли. Их работы уничтожались.

– Мы – не герои, София, – тихо сказал Лев, когда она рассматривала крошечную мозаику из битого фарфора, изображавшую солнце. – Мы просто пытаемся выжить. Душевно. Сохранить хоть что-то... человеческое. Цвет – это жизнь. Эмоция. Память. Без него мы становимся биороботами «Оптимума».

София взяла в руки осколок стекла – часть старого витража, возможно. Он был глубокого, бархатисто-синего цвета. Она поднесла его к свету фонарика. Цвет заиграл, засветился изнутри, отбрасывая на ее ладонь сияющее пятно. Настоящее. Живое. Она почувствовала, как по щеке скатывается слеза. Не от горя. От облегчения. От того, что она не одна.

– Я хочу помочь, – сказала она, сжимая осколок так, что края впились в ладонь. Боль была приятной. Реальной. – Чем угодно. Я вижу. Я могу искать материалы. Помогать делать... Пиксели.

Она кивнула на коробочки.

Лев обменялся взглядами с Алисой и Витей. Потом протянул Софии маленький, невзрачный кусочек пластика, похожий на чип от старой карты. На нем была выцарапана крошечная точка – ярко-оранжевая.

– Добро пожаловать в сопротивление, София, – улыбнулся он, и в его медовых глазах вспыхнул огонек. – Твой первый Пиксель. Спрячь. И ищи точки. Они приведут тебя к нам. И к другим. К тем, кто еще помнит краски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.